

УДК 94(47)“1917/1991”

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.05

С. В. Воробьев

Случай Н. М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 годах¹

В статье рассмотрен конфликт, возникший в Уральской области в 1928 году между первым секретарем обкома Н. М. Шверником, с одной стороны, и инициаторами конфликта, вторым секретарем обкома К. В. Рындиным и председателем Уральского облисполкома Ф. И. Локацковым — с другой. Показаны контекст и причины возникновения конфликта, мотивы и цели его участников. Выявлены причины неудачи заговорщиков: отсутствие единства в отношении их поддержки со стороны региональной партийной номенклатуры, возникший раскол в тандеме противников Н. М. Шверника, отсутствие поддержки со стороны представителей центральной власти. Административный ресурс Н. М. Шверника оказался весомее благодаря его московским связям и покровительству И. В. Сталина. Таким образом, он смог одержать победу в номенклатурной борьбе только благодаря поддержке со стороны центра.

Ключевые слова: Уралобком ВКП (б); конфликт; партийная номенклатура; Н. М. Шверник; К. В. Рындин; Ф. И. Локацков.

Весной 1927 года Н. М. Шверник стал руководителем обширной Уральской области. До этого он находился на высоких руководящих постах в Москве, был секретарем ЦК ВКП (б). Шверник сменил на посту первого секретаря обкома партии Д. Е. Сулимова, который был переведен в Москву на повышение, став первым заместителем наркома путей сообщения СССР и членом Оргбюро ЦК ВКП (б) [5: с. 386–387]. Н. М. Шверник являлся креатурой И. В. Сталина, представителем его политического клана. В связи с тем что Урал был значимым с экономической и политической точек зрения регионом страны, Сталину было важно, чтобы эту территорию возглавил лояльный ему человек.

Однако, если Д. Е. Сулимов был своим для местных партийных работников и партийной массы, так как он родился на Урале и вся его революционная деятельность и последующая карьера были связаны с этим регионом, то Н. М. Шверник оказался человеком со стороны. Ему как варягу было сложно безболезненно интегрироваться в местную политическую среду, расположить к себе региональную номенклатуру. Это создавало опасность для возникно-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-09-00614 «Советская модель управления в 1920–1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала)».

вения непонимания, неприятия чужака со стороны региональных партийных и советских управленцев, которые могли привести к возникновению конфликта, или склоки, в партийной терминологии того времени. Руководители из региона могли иметь собственные властные амбиции, и назначение руководителя со стороны могли воспринять как недоверие к местным кадрам, которые несправедливо игнорируют. Это могло спровоцировать склоки, которые становились политической повседневностью советской системы. А. Гетти отмечает, что «пассивное сопротивление, пререкания, склоки по окончании гражданской войны стали скорее правилом, чем исключением. Любого новичка, невзирая на благословение ЦК, могли выжить» [3: с. 247].

С назначением Шверника на должность руководителя Уральской области произошел небольшой конфуз. Как правило, назначению на должность предшествовали консультации Москвы с руководящим составом соответствующей партийной организации по поводу кандидатуры. В данном случае газета «Правда», опережая события, 27 февраля 1927 года сообщила о назначении Н. И. Шверника первым секретарем Уралобкома ВКП (б), как о свершившемся факте. Это привело в замешательство членов бюро Уралобкома ВКП (б) которые в это время находились в Москве на пленуме ЦК партии и сессии ЦИК СССР. Им срочно пришлось собирать предварительное совещание, которое «единодушно признало кандидатуру т[оварища] Шверника вполне приемлемой для работы в качестве 1-го секретаря Уралобкома» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 62. Л. 14). Решение совещания было доведено до сведения ЦК ВКП (б). Официальное утверждение Шверника в должности руководителя Уралобкома планировалось провести 23 марта 1927 года на предстоящем пленуме обкома. Секретарям окружкомов было направлено письмо, в котором указывалось, что появление сообщения о назначении нового областного руководителя «на страницах уральских газет до пленума ОК [обкома. — С. В.] было бы нежелательно» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 62. Л. 14).

На первых порах работы Шверника на Урале никаких явных конфликтов между ним и местными партийными, советскими работниками и хозяйственными руководителями не возникало. Однако в какой-то момент сформировался тандем в лице второго секретаря обкома К. В. Рындина и председателя Уральского облизполкома Ф. И. Локацкова, который начал интриговать против Шверника.

Реконструкция конфликта (причины, мотивы участников, его развитие) проблематична из-за неполноты источниковой базы. Ключевые документы, которые могли бы пролить свет на суть конфликта (отчет секретаря ЦК ВКП (б) С. В. Косиора о результатах поездки на Урал, письмо Рындина Швернику, доклад Н. М. Шверника на пленуме Свердловского окружкома), ни в федеральном архиве (РГАСПИ²), ни в региональном (ЦДООСО³) обнаружить не удалось.

² Российский государственный архив социально-политической истории.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Этот конфликт является классическим образцом схватки бульдогов под ковром, когда номенклатурная борьба идет скрытно, кулуарно, в тайне от партийной общественности. В официальных партийных документах этого периода (протоколах заседаний бюро обкома, материалах партийных конференций, текущих делопроизводственных документах партийных органов) невозможно найти никакого намека на существование какого-либо серьезного конфликта интересов в руководстве области. В любом случае имеющиеся документы позволяют говорить о том, что склока в верхах областной власти возникла не из-за принципиальных разногласий, она не имела деловой основы, а была обусловлена личными амбициями и антипатиями ее участников.

В заключении союза между К. В. Рындиным и Ф. И. Локацковым большую роль сыграл фактор землячества. Локацков и Рындин были по сути земляками: первый родился в поселке Миньярского металлургического завода Уфимской губернии⁴, а Рындин также был выходцем из Уфимской губернии, родился в селе Ерал, находившемся недалеко от Миньяра. У Рындина и Локацкова было общее революционное прошлое: в годы Гражданской войны их пути пересекались. Рындин был членом Уфимского губисполкома и возглавлял губернскую ЧК, а Локацков был председателем Уфимского горкома РКП (б) и членом Уфимского губернского революционного комитета. Таким образом, сойдясь на почве землячества, они стали создавать собственный клан, рекрутируя себе сторонников, в первую очередь из числа местной партийной номенклатуры, и пытаясь настроить их против московского назначенца. Как отмечал М. С. Восленский, «тот, кто хочет сделать номенклатурную карьеру, непременно тщательно сколачивает себе такую группу и, где бы он не находился, никогда не забудет завербовать в нее нужного человека. Подбираются люди в первую очередь именно нужные, а не по личным симпатиям, хотя, конечно, последние играют определенную роль» [2: с. 367].

Ф. И. Локацков занял пост руководителя Уральского облизполкома одновременно с назначением Д. Е. Сулимова на должность секретаря Уральского обкома партии, сменив его на посту председателя облизполкома. И, возможно, после ухода Сулимова на работу в Москву Локацков рассчитывал повторить его карьерный путь и пересест из кресла руководителя облизполкома в кресло первого лица области. Но Москва решила по-другому, что могло вызвать недовольство со стороны Локацкова, считавшего, что он как фигура областного масштаба и член партии с дореволюционным стажем имеет право на эту должность.

Рындин тоже был амбициозным человеком. Пермский историк В. В. Шабалин характеризует Рындина как карьериста, поклонника комсомолок [6]. Заведующий орготделом Пермского окружкома В. П. Думченко как-то сказал председателю окружной контрольной комиссии А. А. Гребневу, что «комсомолки жалуются на Рындина, что он их щупает» [6]. Подобное поведение,

⁴ Д. Е. Сулимов также родился в поселке Миньярского металлургического завода, но на 9 лет позже Ф. И. Локацкова.

недопустимое для высокопоставленного партийного руководителя, в определенном смысле объяснимо, так как Рындин был достаточно молодым человеком: в 1928 году ему было всего 34 года и интерес к женскому полу у него еще не пропал. Фривольное моральное поведение сочеталось у него со стремлением к власти. Видимо, у него тоже были планы сделать очередной шаг по номенклатурной лестнице — подсадить Н. М. Шверника и занять его место. «Рындин планомерно шел к власти в регионе (возможно, планы простирались и далее), создавая в руководстве парторганизаций Урала собственные группы. Он активно влиял на кадровую политику в области, используя для этого свой авторитет и связи в Свердловске» [6]. В этой интриге против Шверника он нашел союзника в лице председателя облисполкома Ф. И. Локацкова, который также негативно относился к руководителю области.

Рындин был человеком, который умел подать себя в выгодном свете, произвести благоприятное впечатление на людей, был мастером обольщения. Так, ответственный секретарь Верещагинского райкома М. С. Гришкан считал, что Рындин «уважаемый и любимый всей Пермской организацией [...]». Этот товарищ, по-моему, имеет большие задатки, как рабочий парень для Уральской организации и для всей нашей партии» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 144. Л. 87). Но наиболее прозорливые партийные работники не обольщались насчет Рындина. Известная большевичка Р. С. Землячка, возглавлявшая Мотовилихинский райком, отмечала, что Рындин работает «с ошибочками», старалась показать в своих выступлениях, что «т[оварищ] Рындин не прав» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 144. Л. 87). Рындин пытался расположить к себе своих недоброжелателей, искал пути примирения с ними, проявляя гибкость. Критически настроенного к нему А. А. Гребнева, который заявил, что он не переносит и не допускает двуличности, Рындин «клятвенно уверял, что ничего подобного нет и что он преисполнен самыми искренними чувствами» к нему. «Уже во время его работы в Обкоме, — отмечал А. А. Гребнев, — он мне прислал письмо, в котором объясняется в любви, как молодой девушке» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 5).

Реализацию своего плана Локацков и Рындин начали с того, что стали проводить назначения на должности своих людей через голову Шверника в нарушение принятых процедур. Как отмечалось в мартовском постановлении ЦК ВКП (б) «т[оварищи] Локацков и Рындин прибегли к недопустимым методам работы, занимаясь без ведома и за спиной Бюро Уралобкома и, в частности, без ведома и за спиной первого секретаря Уралобкома тов[арища] Шверника, закулисным подбором и перемещением ответственных работников парторганизаций Урала в ущерб интересам дела» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 32). Фактически они попытались присвоить себе полномочия по назначению руководящих работников разных уровней и ограничили полномочия первого секретаря обкома. Рындин проводил соответствующую работу с местным партийным активом, оказывая «давление на тех секретарей окружкомов, которые не поддерживают эту его линию» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 7).

Локацков и Рындин активизировали свои действия во время XV съезда партии в декабре 1927 года. Они устроили «закулисное собрание с участием некоторых уральских работников для проведения своих узкогрупповых интересов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 32). Видимо, заговорщики решили воспользоваться благоприятной ситуацией на съезде, где присутствовали основные руководители области и окружкомов партии, склонить их к сотрудничеству и постараться сколотить коалицию сторонников в борьбе против Шверника. Однако не все руководящие работники окружкомов были готовы перейти на сторону заговорщиков и участвовать в склоке. По свидетельству А. А. Гребнева, бывшего делегатом XV съезда: «В Москве во время съезда мне говорили, что некоторые секретари Окружкомов заявили Рындину: «Мы тебя поставили, мы же тебя можем и снять»» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 6). Неудивительно поэтому, что факт встречи не удалось сохранить в тайне и информация о ней дошла до Шверника.

Основными опорными пунктами противников Шверника были Пермский, Нижнетагильский и отчасти Златоустовский окружкомы партии. Руководителем Пермского окружка ВКП (б) был Н. Ф. Севастьянов, Нижнетагильского — Ф. Г. Вдовин, Златоустовского — И. А. Нефедов. Все эти партийные организации в свое время возглавлял Рындин: в 1921–1922 годах был ответственным секретарем Златоустовского укома РКП (б), а также до 1923 года — председателем исполкома Златоустовского уездного совета, в 1924–1925 годах — он ответственный секретарь Нижнетагильского окружка, а в 1925–1927 годах — ответственный секретарь Пермского окружка [5: с. 356]. Вполне естественно, что у него там остались сторонники, на которых он мог опереться.

Именно пермская клиентела, по всей видимости, должна была сыграть существенную роль в реализации планов К. В. Рындина по завоеванию власти. В феврале 1928 года руководитель Пермского горкома партии В. В. Реутов написал письмо на имя второго секретаря областного комитета ВКП (б) К. В. Рындина, в котором обвинил секретаря окружка Н. Ф. Севастьянова и бюро окружка в том, что они недостаточно внимания уделяют руководству промышленностью. По мнению В. В. Шабалина, это выступление должно было послужить важным шагом в сторону укрепления позиций Рындина в областной системе власти. «Второй секретарь Обкома должен был отреагировать на сигнал Реутова и инициировать кадровую перетряску в руководстве округа. В результате Думченко занял бы место секретаря окружка, Реутов, вероятно, получил бы место заворга ОК, а сама клика увеличилась бы за счет желающих встать под знамена такого сильного “сеньора”, как Рындин. Последний получал контроль над одной из самых крупных уральских парторганизаций» [6]. Однако этим планам не суждено было сбыться. Большинство ответственных работников горкома и окружка не поддержало позицию Реутова, и он был снят со своей должности.

Проблема состояла в том, что позиции Рындина и Локацкова, а также их сторонников были уязвимыми, так как они не имели безусловной поддержки в округах со стороны местных партийцев. Пермский окружком партии Рындин возглавил в ноябре 1925 года, сменив на этом посту И. П. Румянцева, и своими действиями нажил себе недоброжелателей среди местных работников. Не всем понравилось поведение нового партийного секретаря, который сразу начал наводить свои порядки, притащил с собой хвост, т. е. своих доверенных людей, которых начал расставлять на должности в округе, смещая и ущемляя местных работников, являвшихся клиентелой Румянцева. Эту ситуацию старый большевик, член партии с 1905 года, председатель окружной контрольной комиссии А. А. Гребнев описывал следующим образом: «После т[оварища] Румянцева в Перми остались хвостики, которых он тянул за собой. В свою очередь т[оварищ] Рындин тянул за собой своих людей. В результате этого получилась замена значительной части работников, работавших с т[оварищем] Румянцевым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 4). После приезда в Пермь Рындин «стал разгонять всех, кто имел связь с т[оварищем] Румянцевым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 4). Громкий скандал разгорелся вокруг увольнения зав. женотделом окружкома Ивановой, на место которой Рындин решил назначить свою протеежку С. М. Щукину, «которая [...] была с т. Рындиным более чем в дружественной связи», т. е. попросту говоря она была любовницей Рындина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 5). При этом последняя, приехав в Пермь, в течение пяти месяцев по причине беременности к работе не приступала и всю работу за нее в женотделе выполняла инструктор отдела (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 5). У некоторых руководящих работников Нижнетагильского округа также имелись претензии к руководителю окружкома Ф. Г. Вдовину. Во время его снятия с должности члены Нижнесалдинского райкома «отмечали неправильное руководство низовыми организациями со стороны ответственного секретаря ОК ВКП (б) т[оварища] Вдовина и его бюрократические выходки» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 22).

Положение секретаря Пермского окружкома Севастьянова было неопределенным, двойственным. Дело в том, что в Пермском окружкоме были сильны позиции клиентелы Рындина. В нее входили заведующий орготделом Пермского окружкома ВКП (б) В. П. Думченко, секретарь Пермского горкома ВКП (б) В. В. Реутов, секретарь Лысьвенского райкома ВКП (б) А. А. Просолупов, которые «все время поддерживали с ним связь и выполняли его директивы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 6). Между Севастьяновым и Думченко возникли трения «по вопросу распределения обязанностей между ними». Последний пытался перетянуть значительную часть властных полномочий на себя, оставив ответственному секретарю окружкома роль свадебного генерала. На этот перекося в полномочиях указывал и сам недовольный таким положением дел Н. Ф. Севастьянов: «Все было в Орготделе, я долгое время сидел и принимал

посетителей [...] ты, тов[арищ] Думченко, доказывал мне, что я должен делать доклады, принимать посетителей» [6].

Исходя из этого, он пытался маневрировать между сторонниками и противниками Рындина в Пермском окружке партии, между Рындиным и Шверником, явно не беря ничью сторону, видимо, надеясь в итоге оказаться на стороне победителя. Хотя в предыдущем конфликте 1925 года с руководителем Уральской области М. М. Харитоновым Севастьянов выступал более решительно и занимал более однозначную позицию (см. подробнее: [1]). Но в том случае это не грозило Севастьянову негативными последствиями, так как перевес был явно на стороне противников Харитонова. В данном случае исход номенклатурной борьбы был неясен, и Севастьянов занимал выжидательную позицию. Как отмечал председатель Пермского окрисполкома Я. А. Теумин, «фактов об участии т. Севастьянова в групповой борьбе лично у меня не было, насколько я знаю таких фактов не было и у остальных членов Бюро Окружкома» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 2). Но в результате Н. Ф. Севастьянов все равно поплатился должностью. После того как он был объявлен сторонником Рындина и Локацкова, никто из пермских партийных работников не встал на его защиту. Председатель Пермского окружного профбюро Мартынов указал: «На вопрос, может ли т. Севастьянов быть после этого руководителем организации, отвечаю — несомненно, нет». Руководство Лысьвенского райкома ставило вопрос следующим образом: «мы или Севастьянов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 3).

Недоверие между руководящими работниками уральской партийной организации было следствием существовавших политических нравов. На XV съезде партии ответственный секретарь Челябинского окружкома ВКП (б) П. И. Тиунов поделился с А. А. Гребневым своими опасениями в том, что «в разговоре с т. Севастьяновым распустил язык против Рындина, а потом пожалел об этом, опасаясь, не является ли этот разговор провокацией» и пытался выяснить у Гребнева, «какие отношения существуют между т[оварищами] Рындиным и Севастьяновым» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 6). Сам А. А. Гребнев фактически находился под негласным наблюдением. Письма, которые посылались ему из Перми, когда он был на лечении в Москве, вскрывались, «причем очень грубо». То же самое происходило с письмами, которые он посылал жене и товарищам. По мнению Гребнева, это делалось «соответствующими органами по поручению сторонников Рындина» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 7).

Причина неудачи заговорщиков состояла не только в том, что не существовало единства в региональной партийной номенклатуре в отношении поддержки Рындина и Локацкова, но и в том, что наметился раскол между главными заговорщиками. Видимо, они не смогли договориться о распределении властных полномочий после свержения Шверника и между ними возникли противоречия. В результате конфликта интересов тандем уральских руководителей оказался не очень прочным и фактически распался. Как отмечал В. В. Шабалин, «эта ссора, надо полагать, усложнила задачу, стоящую перед Рындиным» [6].

Кроме того, начав интриговать против Шверника, инициаторы конфликта не заручились поддержкой какой-нибудь влиятельной фигуры из центрального партийного руководства. Как отмечает Дж. Истер, в 1920-е годы сложились неформальные системы личных взаимоотношений, которые связывали региональных руководителей с представителями центра. «Ведущие члены этих систем, работавшие в центре, выражали региональные интересы. В частности, руководители провинциальных партийных комитетов обычно передавали своим покровителям в центре различные просьбы и заявляли свои позиции» [4: с. 112]. В данном случае Д. Е. Сулимов вряд ли мог стать такой фигурой, способной лоббировать интересы Рындина и Локацкова в высшем руководстве и оказывать им покровительство как в силу занимаемой должностной позиции, так и в связи с тем, что он сам совсем недавно влился в центральный партийно-советский истеблишмент и не имел должного веса. Поэтому, когда на областной партийной конференции И. П. Сапожников — ответственный секретарь Мотовилихинского РК ВКП (б) — спросил у Н. Ф. Севастьянова, «попытаются ли скомпрометировать т. Шверника на областной конференции», тот ответил, что «не посмеют, этот вопрос поднимут в Москве» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 7). И действительно, после того как конфликт дошел до Москвы, на Урал для выяснения ситуации был направлен секретарь ЦК ВКП (б) С. В. Косиор. После этого три главных фигуранта конфликта были вызваны для рассмотрения вопроса в ЦК партии. На заседании были заслушаны позиции Н. М. Шверника, Ф. И. Локацкова, К. В. Рындина, а также мнение секретаря ЦК ВКП (б) С. В. Косиора о сути конфликта. По результатам разбирательства центральное руководство партии встало на сторону руководителя Уральской области. Локацкову и Рындину пришлось покаяться в своих ошибках, признав их совершенно недопустимыми, и заявить, что «дальнейшее их пребывание на Урале является совершенно нецелесообразным» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 32). В постановлении ЦК партии от 5 марта 1928 года предлагалось «поставить на вид проводившиеся ими в последние месяцы недопустимые методы работы и отозвать их в распоряжение ЦК» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 719. Л. 32).

По всей видимости, в Москве вопрос, еще до появления официального постановления ЦК ВКП (б), был принципиально решен в пользу Н. М. Шверника, так как, не дожидаясь выхода постановления, он выехал на Урал. Возвращение Шверника происходило в форме тайной операции. Его сторонник, ответственный секретарь Свердловского окружкома партии Я. Я. Шипов, разослал членам секретариата окружкома письмо, в котором сообщал: «В субботу выезжает из Москвы, в понедельник приедет в Свердловск секретарь Уралобкома ВКП(б) тов[арищ] Шверник. С окончательным решением ЦК по этим делам и вопросам, он и, не исключено, секретарь ЦК тов[арищ] Косиор, приедут в понедельник. Возможно, что может потребоваться определенное решение нашего Пленума по этим вопросам, как высшего органа организации столичного округа»

(ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1337. Л. 12). В связи с этим планировалось продлить работу пленума до вторника 6 марта. Я. Я. Шипов предлагал различные способы затяжки времени: «Предоставить больше вольностей в прениях, посвятить какой-нибудь вечер театру, устроить во время работы Пленума какое-либо совещание, отнюдь не осведомляя никого о действительных мотивах удлинения сроков работы Пленума» (ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1337. Л. 12). На закрытом заседании второго пленума Свердловского окружкома партии 6 марта 1928 года был заслушан доклад Шверника о постановлении ЦК ВКП (б) от 5 марта 1928 года и принято постановление: «Решение ЦК ВКП (б) одобрить» (ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1321. Л. 3).

После устранения главных инициаторов склоки была проведена работа по расформированию их клана в уральской партийной организации. Кого-то, как Н. Ф. Севастьянова и Ф. Г. Вдовина, сняли с должности и направили в распоряжение ЦК партии, кого-то перевели на другую работу, как правило, с понижением в статусе. Бывший секретарь Пермского горкома В. В. Реутов был «переброшен для работы» секретарем райкома в Курганский округ, бывший секретарь Лысьвенского райкома А. А. Просолупов был направлен в распоряжение Шадринского окружкома «на районную работу» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 1).

Все партийные организации Уральской области (районные и окружные) единодушно осудили действия «раскольников», выразили свою поддержку действиям обкома и решению ЦК ВКП (б). «Знающие т[оварищей] Рындина и Локацкова высказывали недоумение, т. е. “как это могли допустить себя до такого поведения авторитетные работники как Рындин и Локацков”» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 23). Высказывалось определенное сочувствие к этим заслуженным партийцам, которые были примером для уральских большевиков: «Тов[арищи] Локацков и Рындин с основания работали в Уральской организации, заслуги у них перед организацией большие и очень тяжело говорить о их проступке» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 13 об.). В то же время отмечалось, что «люди, пользующиеся таким авторитетом, как Локацков и Рындин, имеющие большие заслуги, но дошедшие до организации группировки в достижении своих личных целей [...] вполне заслуживают того наказания, как решили ЦК и Уралобком» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 14).

Партийцы Кушвинского райкома Нижнетагильского округа пришли к следующему заключению: «Тов[арищ] Локацков очевидно засиделся в области и его давно надо было перебросить на другую работу, относительно тов[арища] Рындина делается вывод, что его переоценили и сделали очень быстрое выдвигание, что пошло ему во вред и он начал себя переоценивать» (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 16).

В тобольской партийной организации при обсуждении этого вопроса «имели место отдельные перегибы», связанные с нелюбимой личной характеристикой Локацкова и Рындина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 1). В не-

которых партийных организациях (Мотовилиха, Чермоз и Пермь) пошли дальше и предложили для них более суровое наказание. Так, на общегородском собрании мотовилихинской парторганизации в резолюцию было внесено предложение запретить виновным в течение двух лет занимать ответственные посты [6].

Правда, в некоторых партийных организациях нетвердо знали фамилии своих областных руководителей. Так, в решении Серебрянского райкома председатель Уральского облисполкома назван Локацко (дважды) (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 9), а Нижнеивдельского — Логотсковым (ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 955. Л. 10).

Уралобком ВКП (б) 5 апреля 1928 года в письме в ЦК ВКП (б) за подписью Шверника сообщил о том, что с последствиями склоки в уральской партийной организации покончено: «Только что закончившийся пленум Обкома прошел с большой активностью, деловитостью и сплоченностью, свидетельствуя о том, что обстановка в основном сложилась деловая, обеспечивающая дальнейшее изживание всяких групповых настроений» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 19. Л. 1–1 об.).

Таким образом, административный ресурс у Шверника оказался весомее благодаря его московским связям, которые сформировались в бытность его секретарем ЦК ВКП (б), а также симпатии и покровительства со стороны И. В. Сталина. Шверник входил в ближайшее окружение Сталина, был членом его клана, и «генсек в начавшемся конфликте встал на сторону “своего” человека» [6]. В результате группа Рындина – Локацкова была разгромлена. Правда, наказание склочников нельзя назвать суровым. Учитывая их революционные заслуги, ЦК партии подыскал им приличные места работы. Ф. И. Локацков был назначен на достаточно высокий пост: он стал членом Президиума ВСНХ СССР, начальником Главного управления черной металлургии ВСНХ СССР [5: с. 277]. К. В. Рындин несколько месяцев занимал должность ответственного инструктора ЦК ВКП (б), а в октябре 1928 года стал председателем Московской городской контрольной комиссии ВКП (б) [5: с. 356].

В то же время этот внутриноменклатурный конфликт показал слабость Шверника как регионального руководителя, который допустил склоку в области и не смог ее купировать самостоятельно. В конце концов ему удалось выйти из конфликта победителем, справиться со своими недоброжелателями, но не благодаря собственным силам, а в результате значительной поддержки со стороны центра.

Литература

1. Воробьев С. В. Партийный лидер Урала М. М. Харитонов во внутривнутрипартийной борьбе и интригах первой половины 1920-х годов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 35–49.
2. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; Октябрь, 1991. 624 с.
3. Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 374 с.

4. *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
5. Центральный комитет КПСС, ВКП (б), РКП (б), РСДРП (б): Историко-биографический справочник / сост. Ю. В. Горячев. М.: Парад, 2005. 496 с.
6. *Шабалин В. В.* «Закулисная политика» (К истории внутривнутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг. // Пермская элита: история, развитие, современное состояние. Материалы конференции. Пермь, 2003. Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259#_edn9

Literatura

1. *Vorob'ev S. V.* Partijnyj lider Urala M. M. Haritonov vo vnutripartijnoj bor'be i intrigax pervoj poloviny 1920-x godov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2017. № 4. S. 35–49.
2. *Voslenskij M. S.* Nomenklatura. Gospodstvuyushhij klass Sovetskogo Soyuza. М.: Sovetskaya Rossiya; Oktyabr', 1991. 624 s.
3. *Getti A.* Praktika stalinizma: Bol'sheviki, boyare i neumirayushhaya tradiciya. М.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2017. 374 s.
4. *Ister Dzh. M.* Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnyx svyazej i samoidentifikaciya e'lity v Sovetskoj Rossii. М.: ROSSPE'N, 2010. 255 s.
5. Central'nyj komitet KPSS, VKP (b), RKP (b), RSDRP (b): Istoriko-biograficheskij spravochnik / sost. Yu. V. Goryachev. М.: Parad, 2005. 496 s.
6. *Shabalin V. V.* «Zakulisnaya politika» (K istorii vnutripartijnyx konfliktov na Urale v 1920-x gg. // Permskaya e'lita: istoriya, razvitie, sovremennoe sostoyanie. Materialy konferencii. Perm', 2003. Rezhim dostupa: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259#_edn9

S. V. Vorobyev

N. M. Shvernik's Case: the Conflict in the Leadership of the Ural Region in 1927–1928

The article describes the conflict that arose in the Ural region in 1928 between the first Secretary of the regional N. M. Shvernik on the one hand and the initiators of the conflict, the second Secretary of the regional Committee K. V. Ryndin and Chairman of the Ural regional Executive Committee of F. I. by Lukacova on the other. The context and causes of the conflict, motives and goals of its participants are shown. Identify the causes of the failure of the conspirators: the lack of unity in relation to their support of the regional nomenclature, the resulting split in the tandem of opponents N. M. Shvernika, lack of support from representatives of the Central government. Administrative resource N. M. Shvernika was more significant, thanks to his Moscow connections and patronage of Stalin. Thus, he was able to win the nomenclature struggle only thanks to the support of the center.

Keywords: Uralcom of the CPSU (b); conflict; party nomenclature; N. M. Shvernik; K. V. Ryndin; F. I. Lokotkov.